



НЕСТОРІЙ и ЕВТИХІЙ,

ЕРЕСІАРХИ 5-го вѣка.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

(431-й годъ).

I.

Въ 431 году праздникъ Пятидесятницы приходился 7-го іюня; императорская грамота, призывавшая епископовъ Имперіи прибыть къ этому дню въ Ефесъ на соборъ, помѣченная 18 числомъ ноября 430 года и въ теченіи слѣдующаго декабря мѣсяца разосланная по всѣмъ главнымъ мѣстамъ назначенія, давала епископамъ почти шесть мѣсяцевъ для приготовленія къ собору. Многіе изъ нихъ употребили это время на изученіе тѣхъ вопросовъ, о которыхъ должны были происходить пренія на соборѣ. Для этого они легко могли воспользоваться бесѣдами и письмами Несторія, равно какъ письмами и посланіями Кирилла, которые были во множествѣ распространены повсюду ихъ авторами. Нѣкоторые изъ епископовъ имѣли у себя въ рукахъ даже текстъ послѣдняго соборнаго посланія Кирилла къ Несторію, съ приложеніемъ двѣнадцати членовъ вѣры, которые онъ настойчиво предлагалъ принять своему противнику, грозя въ противномъ случаѣ отлученіемъ. Іоаннъ Антиохійскій былъ изъ числа этихъ епископовъ.

Іоаннъ былъ тонкій, искусный богословъ; всматриваясь пристально въ эти двѣнадцать предложеній, которые

*) См. Труды Кіев. дух. Академіи, іюнь, 1879 г.

настойчиво предлагали первому архіепископу восточной церкви, какъ критерій каѳолической вѣры, онъ, казалось ему, открылъ, что они по духу и направленію своему были еретическія, что относительно рожденія воплотившагося Бога Слова, Его страданія смерти и воскресенія, они заключали въ себѣ принципъ *пассивности* божества, составлявшій основу аполлинаризма. Это открытіе привело его въ ужасъ, потому что аполлинаризмъ всегда былъ предметомъ его особенной озабоченности; это былъ самый страшный врагъ православныхъ сирійцевъ, червь-истребитель, скрытно подтачивающій ихъ церковь.

Мы уже сказали мимоходомъ нѣсколько словъ объ аполлинаризмѣ него основателѣ; скажемъ объ этомъ здѣсь нѣсколько подробнѣе, чтобы показать, какъ появленіе вновь этой ереси въ такомъ важномъ документѣ могло не быть для сирійскаго патріарха пустымъ пугаломъ.

Неустрасимый исповѣдникъ, блестящій ораторъ и уважаемый епископъ при жизни, а затѣмъ отверженный церковью, какъ опасный ересіархъ, послѣ своей смерти, Аполлинарій былъ одною изъ самыхъ оригинальныхъ и интересныхъ личностей каѳолическаго христіанства IV вѣка. Онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, Аполлинаріемъ, въ Лаодикии сирійской; и тотъ и другой славились какъ отличные преподаватели греческихъ наукъ: отецъ—своими уроками грамматики и поэзіи, а сынъ—преподаваніемъ ораторскаго искусства, гдѣ онъ умѣлъ счастливымъ образомъ соединять примѣръ съ правиломъ. Оба были искренніе христіане и горячіе защитники единосущія; когда открылась эра преслѣдованія единосущниковъ оба состояли въ клирѣ: отецъ—пресвитеромъ, а сынъ—чтецомъ¹⁾. Съ большимъ трудомъ

¹⁾ Laodiceae in Syria duo erant viri eodem nomine nuncupati, pater et filius. Uterque enim Apollinarius dicebatur. Et pater quidem presbyteri gradum in Ecclesia obtinebat, filius vero lectoris fungebatur officio. Socr., II, 46.

избѣгнувъ аріанскихъ неистовствъ Констанція, они вскорѣ затѣмъ должны были вступить въ борьбу противъ языческой тираніи Юліана и мужественно сопротивлялись антихристіанскимъ замысламъ его. Чтобы обойти ненавистный законъ, которымъ этотъ императоръ-философъ воспрещалъ молодымъ христіанамъ изученіе греческихъ наукъ, изъ лицемѣрнаго опасенія чтобъ оно не испортило въ нихъ чистоты вѣры, Аполлинарій—отецъ, какъ отличный знатокъ грамматики и піитики, „при изъясненіи св. книгъ Ветхаго Завета, передавалъ содержаніе ихъ греческими стихами различныхъ метровъ, — книги Моисея напр. переложилъ въ стихи такъ называемымъ героическимъ метромъ, а другія — въ числѣ ихъ книги писанныя въ родѣ историческомъ, частью подчинилъ метру дактилическому, а частью облекъ въ форму драмы и выразилъ трагически, и вообще употреблялъ все роды стихосложенія, чтобы никакія формы греческаго языка не остались неизвѣстными христіанамъ“; а Аполлинарій—сынъ, какъ знатокъ риторики и софистики, и самъ отличный ораторъ и діалектикъ, изъясняя евангелія и посланія апостольскія, излагалъ содержаніе ихъ въ формѣ разговоровъ, подражая платоновымъ діалогамъ ¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря ихъ трудамъ, образованіе христіанскаго юношества не было ограничено однимъ только объясненіемъ Луки и Матвея ²⁾, какъ это говорилъ заносчиво Юліанъ. Эта услуга, оказанная Аполлинаріями церкви въ борьбѣ съ эллинистическимъ язычествомъ, „сдѣлала ихъ еще знаменитѣе“ ³⁾; въ общественномъ мнѣніи христіанъ того времени Аполлинарій, и особенно Аполлинарій—сынъ, считались пе-

¹⁾ Socr., II, 46.

²⁾ Sozom., V, 17. Юліанъ имѣлъ привычку говорить: *Nostri sunt sermones, nostrumque graecari quippe qui deos colimus*. Greg. Nazian., *Orat. in Julian.*—См. *Histoire de la Gaule sous la domination romaine*, t. II, ch. 7 и мои рассказы изъ римской исторіи: Блаж. Іеронимъ, кн. II.

³⁾ Socr. III, 16.

редовыми бойцами за вѣру Христову противъ гонителя ея—Юліана. И Юліанъ съ своей стороны считалъ Аполлинарія—сына, вмѣствъ съ Григоріемъ Назіанzenомъ и Василиемъ Великимъ, въ числѣ самыхъ опасныхъ враговъ своей Имперіи¹⁾.

По возстановленіи религіознаго мира, Аполлинарій—сынъ, сдѣлавшись епископомъ своего города, блестящимъ краснорѣчіемъ своимъ привлекъ къ своей епископской кафедрѣ многочисленную толпу бывшихъ своихъ учениковъ и почитателей, которая рукоплескала ему въ гимназіяхъ; но онъ не сумѣлъ удержатъ въ неприкосновенной чистотѣ ту вѣру, которую такъ мужественно исповѣдывалъ. Ослѣпленный безграничнымъ уваженіемъ своимъ къ древнимъ греческимъ поэтамъ и философамъ, онъ повидимому и въ существо христіанской вѣры прозрѣвалъ не иначе, какъ сквозь призму поэтическихъ аллегорій и идей философскихъ. Такимъ образомъ, онъ не хотѣлъ допустить, чтобы Богъ, сошедшій на землю для спасенія людей, принялъ такую же самую плоть, какъ и ихъ тѣло, и сдѣлался такимъ образомъ единосущнымъ своимъ созданіемъ. Онъ думалъ, что элементы, изъ которыхъ образовалось тѣло Іисуса Христа во чревѣ Маріи, были элементы особенные, созданные изъ самаго существа Божія, чтобы служить кратковременной оболочкой Его божественности; иногда онъ считалъ ихъ даже совѣчными Богу Слову, существовавшими прежде времени въ предначертаніяхъ Божіихъ. Онъ утверждалъ также, что тѣло Іисуса Христа, одаренное какъ и всѣ человѣческія тѣла чувственною душою, не имѣло въ себѣ души разумной, или ума, что мѣсто ея въ тѣлѣ Его занимало само божество Слова. Вообще онъ держался той мысли, что Христосъ, котораго онъ почитаетъ, былъ существо сверхъестественное, рожденное внѣ условій и законовъ человѣческой природы, въ которомъ плоть была единосущна духу, который пострадалъ, умеръ и воскресъ²⁾.

¹⁾ Sozom., V, 18.

²⁾ Greg. Nazian., Ep. 1.—Athanas., ad Epict.—Epiphani., Haeres., 77.—Hieron., Ep. 13 et passim.—Theodor., V, 3. Socr., II, 46.

Такимъ образомъ крестная жертва Іисуса Христа, приписанная Имъ для искупленія нашего, представлялась въ какомъ-то совершенно фантастическомъ видѣ, который, пожалуй, не былъ лишенъ ни величія, ни блеска, но оставлялъ совершенно въ сторонѣ вину человѣческаго рода и ея искупленіе. Въ христологической теоріи своей Аполлинарій, казалось, не имѣлъ въ виду ничего иного, какъ только поэтический парафраза словъ св. Павла объ Іисусѣ Христѣ: „Онъ принялъ видъ раба“.

Такое идеалистико-мистическое ученіе его о лицѣ Іисуса Христа очень нравилось людямъ имѣвшимъ такое же, какъ и онъ, экзальтированное воображеніе; но Аполлинарій не открывалъ однакожъ этихъ тайнъ своихъ всѣмъ, и въ церкви, которая быстро образовалась вокругъ него, онъ установилъ два рода наставленія: одно публичное, которое ничѣмъ не отличалось отъ католическаго ученія, а другое тайное, гдѣ предавались самымъ смѣлымъ гипотезамъ, которыя всѣ направлены были къ тому, чтобы въ понятіи о лицѣ Іисуса Христа совсѣмъ изгладить черты Его истинно человѣческой природы. Ученики этого мистическаго мечтателя развѣтвлялись на множество сектъ подъ различными произвольными наименованіями, потому что имя Аполлинарія было произнесено только послѣ его смерти. Такимъ образомъ ересіархъ могъ спокойно смотрѣть, какъ ученія его были предаваемы анафемѣ на нѣсколькихъ соборахъ, нисколько не опасаясь, что его лишатъ изъ-за нихъ епископскаго престола, или же побезпочуютъ. Новые сектанты скоро прокрались всюду подъ маскою лицемѣрнаго православія. Антиохія имѣла даже епископа аполлинариста (Виталія), который распространилъ принципы этой ереси между многими вѣрными, и несчастный городъ очутился въ то время въ колеблющемся положеніи между четырьмя епископами, враждовавшими одинъ противъ другаго¹⁾. Ревни-

¹⁾ Theodor. V. 4.



тели православія могли сколько угодно расточать отлученій и анафемъ приверженцамъ новаго ученія; лицемѣрными своими исповѣданіями вѣры они ускользали отъ преслѣдованій и свѣтской и духовной власти. Ихъ адепты были многочисленны, особенно въ монашескихъ обителяхъ, гдѣ умы, естественно склонныя къ мистицизму, еще болѣе увлекались къ тому своими созерцательными навыками и удивительными размышленіями.

Ересь Аполлинарія, такъ хорошо принятая „единосущниками“ на Востокъ ¹⁾, указывала на новую опасность для православной вѣры, состоявшую въ преувеличеніи принципа единосущности, въ противоположность аріанизму, который отрицалъ этотъ принципъ.

Какъ ни высокоумна казалась эта теологія, однакожь она была не нова. Уже въ III вѣкѣ ересіархъ Савеллій не хотѣлъ видѣть въ христіанской Троицѣ ничего болѣе, какъ только тройной способъ разсматривать Бога, единого въ своемъ существѣ, но представляющагося уму нашему различнымъ по Его отношеніямъ къ себѣ самому и къ міру,—смо-

¹⁾ Аполлинарій, какъ богословъ александрійской школы и защитникъ „единосущія“ божественныхъ Лицъ св. Троицы противъ аріанъ, стоялъ въ довольно близкихъ и дружественныхъ отношеніяхъ къ главнымъ защитникамъ „единосущія“, считался духовнымъ сыномъ Афанасія В., другомъ Василія В. и вообще въ кругу „единосущниковъ“, богослововъ александріисаго направленія, былъ *свой*, родственникъ и въ по направленію мысли, человекъ. Изъ этого, конечно, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы великіе и славные защитники „единосущія“ на Востокѣ, Афанасій, Василій, Григорій и др., солидарные съ Аполлинаріемъ въ теологическомъ ученіи его о единосущіи божественныхъ лицъ св. Троицы, раздѣляли и христологическое ученіе его о единосущіи или единствѣ естества І. Христа, хотя надобно сказать, что аполлинаристическіе термины, выражавшіе это ученіе его, какъ то: „слиянiе“, „сраствореніе“, „сопроникновеніе“, „смѣшеніе“ двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ — далеко не внушали имъ такого ужаса, какъ богословамъ антиохійскаго направленія, и вѣрѣдко употреблялись даже ими самими. Но отсюда становится понятно, почему ученіе Аполлинарія находило себѣ, и по смерти его, сочувственный пріемъ въ кругахъ „единосущниковъ“ на Востокѣ. *Примѣч. переводчика.*

тря потому, разсматривался ли Онъ какъ существо само въ себѣ существующее (Отецъ), или какъ существо творящее (Сынъ), или какъ существо животворящее и освящающее (Духъ св.). Въ стремленіи своемъ объяснить совершенное равенство сущности, существующее подъ различіемъ божественныхъ Лицъ, Аполлинарій почти что воспроизводилъ эту самую формулу савелліанства, столь многократно осужденную¹⁾. Такимъ образомъ, съ одной стороны, наверху, савелліанизмъ, почти совсѣмъ изгонявшій изъ содержанія христіанской вѣры религіозный элементъ искупленія и приводившій къ абстрактному философскому деизму; а съ другой, внизу, крайній аріанизмъ, приводившій къ деизму еврейскому—таковы были двѣ опасности, одинаково страшныя, хотя и противоположныя, которыя угрожали христіанской теологіи, какъ только она уклонялась отъ точнаго опредѣленія символа вѣры, установленнаго никейскимъ соборомъ. Чтобы положить преграду этимъ савелліанскимъ идеямъ, особенно опаснымъ для Сиріи по причинѣ старой закваски савелліанизма, оставшейся въ провинціяхъ Тигра и Ефрата, съ одной стороны, и противоположнымъ имъ идеямъ аріанскимъ, съ другой, антиохійскій епископъ Мелетій предложилъ къ принятію формулу ученія о трехъ божественныхъ *ипоста-*

¹⁾ Аполлинарій, дѣйствительно, не установивъ въ умѣ своемъ твердыхъ и точныхъ понятій о различіи божественныхъ Лицъ св. Троицы, не далекъ былъ отъ сліянія ихъ въ единствѣ божественнаго существа и взаимнаго смѣшенія. Эта, можно сказать, принципиальная наклонность ума его къ сліянью различій въ единствѣ сущности, въ извѣстной степени общая богословамъ александрійскаго направленія, выразилась и въ его взглядѣ на различія естествъ въ І. Христѣ, божескаго и человѣческаго. При строгомъ понятіи своемъ о *единствѣ существъ* І. Христа и нераздѣльности Его ипостаси, на раскрытіе и утвержденіе котораго (понятіи) направлены были всѣ помыслы его, Аполлинарій былъ не далекъ отъ того, чтобы существенно различныя естества въ І. Христѣ разсматривать, какъ *два различныя стороны* одного и того же *существа* (божественнаго), и человѣческое естество І. Христа понимать какъ только модусъ, форму, обликъ божественнаго существа Его. *Примѣч. переводчика.*

схъ равныхъ и совѣчныхъ, составляющихъ черезъ свое соединеніе одну великую божественную ипостась, или одно божественное существо. Въ сущности это было тоже, что ученіе о единомъ Богѣ въ трехъ еднотелныхъ лицахъ; но греческая формула его погрѣшала тѣмъ, что слово *ипостась*, (*ὁπὸστασις*), въ латинскомъ переводѣ *substantia*, употребляла въ двухъ различныхъ значеніяхъ—лица (*persona*) и существа (*substantia*) ¹⁾; ее упрекали кромѣ того и за то, что самое это слово—ипостась, ею вводимое, было новое ²⁾. Какъ бы то ни было, Мелетій и за нимъ большая часть епископовъ сирійскихъ приняли этотъ вариантъ никейскаго собора въ свои исповѣданія; египетскіе же епископы, сообщая съ римскою церковью, признавали его безполезнымъ и даже опаснымъ, и соперничество двухъ половинъ христіанскаго міра снова усилилось взаимными обвиненіями въ ереси.

Понятно, что вниманіе бдительныхъ пастырей должно было обращаться на все, что могло поддерживать эти заблужденія, столь живучія и столь трудно уловимыя; можетъ быть, Іоаннъ антиохійскій гораздо менѣе встревожился, еслибы какое нибудь ученіе, для опроверженія ихъ, хотя немного и преувеличило значеніе человѣческой природы въ лицѣ Спасителя міра, Иисуса Христа. Между тѣмъ въ анафемахъ Кирилла были такіа предложенія: „кто не исповѣдуетъ Бога Слова пострадавшимъ плотію, распятымъ плотію, принявшимъ смерть плотію и наконецъ ставшимъ первороднымъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Онъ есть жизнь и

1) *Tota saecularium litterarum schola nihil aliud hipostasim, nisi usiam novit. Et quisquam rogo, ore sacrilego, tres substantias praedicabit? Una est Dei et sola natura, quae vere est. Hieron., Ep. 14.—In tribus vocabulis, trinominem credens Deum, in Sabellii haeresim incurrit. Hieron., in Lucifer.*

2) *Novellum nomen exigitur. Qui, quaeso, ista Apostoli prodidere! Hieron., Ep. 14.*

животворящъ, какъ Богъ;--анаѳема!¹⁾); въ другихъ членахъ не разъ встрѣчалось и поддерживалось (аполлинаристическое) выраженіе „*собственная плоть Бога Слова*“²⁾; третій членъ, казалось, даже прямо смѣшивалъ два естества послѣ Воплощенія, приписывая имъ „соединеніе естественное“³⁾). Эти выраженія, приближавшіяся къ знаменитой фразѣ Кирилла: „одно естество воплощеннаго Слова“,— фразѣ, которою скоро затѣмъ вооружился Евтихій,—могли внушать мысль, что Кирилловы анаѳематства въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ были ничто иное, какъ программа аполлинаризма, склоняющагося къ *пассивности* Бога, къ признанію въ Иисусѣ Христѣ какого-то особеннаго человѣческаго естества не единосущнаго съ людьми, и наконецъ къ смѣшенію двухъ естествъ въ одно. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что эти темныя и запутанныя выраженія, хотя они въ сущности вовсе не были еретическими, служили поводомъ къ раздѣленію церковей еще при жизни Кирилла и не разъ были осуждаемы послѣ его смерти.

Іоаннъ, въ настоящую минуту, помышлялъ только о нуждахъ своей церкви; онъ думалъ, что его прямою обязанностію было донести будущему собору объ опасныхъ стремленіяхъ Кирилла⁴⁾); но не довѣряя однимъ личнымъ своимъ воззрѣніямъ въ столь важномъ дѣлѣ, онъ призвалъ къ себѣ самыхъ сильныхъ богослововъ своей области, чтобы вмѣстѣ съ ними разсмотрѣть этотъ вопросъ и порѣшить общимъ согласіемъ, какъ слѣдуетъ поступить при этомъ. Созванный имъ для этой цѣли синодъ, по зрѣломъ обсужденіи предмета, вполне раздѣлилъ мнѣніе своего патріарха на счетъ еретическаго характера Кирилловыхъ анаѳематствъ и тѣхъ опасностей, въ какія вовлечена была бы сирійская церковь,

1) Concil. III, p. 214.

2) *Σαρκὶ ἰδίᾳ αὐτῆς τῷ λόγῳ*—caro ipsius Verbi. Concil. III, p. 214.

3) **Ἐνωσις φυσική*—unio naturalis. Concil., III, p. 213.

4) Theodor., Ep. 113.



если бы поватія, въ нихъ проводимыя, получили одобреніе и признаны были членами вѣры на предстоящемъ соборѣ въ Ефесѣ.

Такимъ образомъ условлено было на будущемъ соборѣ открыть рѣшительную борьбу противъ еретическихъ анаѳематствъ Кирилла, а пока признано было нужнымъ подготовить къ этому умы письменными опроверженіями. Патріархъ Іоаннъ выбралъ для этого двухъ самыхъ знаменитыхъ богослововъ своего патріархата, Андрея самосатскаго и Θεодорита кирскаго¹⁾. Андрей, человѣкъ очень ученый, но робкій и другъ мира и спокойствія, составилъ противъ Кирилла маленькую книжку, очень разсудительную и спокойную, на которую Кириллъ ничего не отвѣчалъ; опроверженіе же Θεодорита было напротивъ очень рѣзко и вынудило Кирилла написать противъ него возраженія. Онъ сдѣлалъ это съ крайнею неохотою, и съ этого времени сталъ питать къ епископу кирскому непріязненное чувство, никогда не потухавшее совершенно. Такъ какъ мы увидимъ Θεодорита сильно втянувшимся въ пренія происходившей въ это время борьбы мнѣній и ученій, то изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ, что это былъ за человѣкъ, и какого рода противника привлечь на себя александрійскій патріархъ своими анаѳематствами.

Строгий и ученый, Θεодоритъ былъ въ половинѣ V столѣтія образцомъ того христіанскаго стоицизма, который такъ часто встрѣчался въ первыя времена христіанства, когда христіанское исповѣданіе называлось философіею, но который почти совсѣмъ исчезъ съ того времени, когда епископство сдѣлалось средствомъ къ тому, чтобы властвовать, обогащаться и добиваться милостей государей. По образу жизни своей, какъ и по характеру, онъ совершенно противоположенъ Кириллу, но въ умственномъ отношеніи былъ ра-

¹⁾ Liber IV.—Andrea et Theodoretus episcopi, qui adversus capita scripserunt. Conc. III, p. 669.

вень ему по учености. По происхожденію своему, Феодоритъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ богатыхъ фамилій въ Антиохіи. Воспитываемый въ роскоши и удовольствіяхъ около своей эlegantной и свѣтской матери, онъ съ дѣтства питалъ въ своемъ сердцѣ два страстныхъ стремленія—къ удивленію и бѣдности,—и какъ только сталъ свободенъ въ своихъ поступкахъ, предался этимъ стремленіямъ всецѣло и безъ оглядки. Продавъ родовое имѣніе свое, онъ половину вырученныхъ денегъ роздалъ бѣднымъ Антиохіи, а съ другою половиною удалился въ самую дикую часть ефратской Сиріи, недалеко отъ рѣки Марсіаса, въ сосѣдній съ городкомъ Киромъ лѣсъ¹⁾. Тамъ онъ написалъ свою *церковную исторію*, которая прославила его въ потомствѣ, и богословскіе трактаты, которые сдѣлали его славнымъ у своихъ современниковъ.

Маленькій городъ Киръ, въ предмѣстьи котораго онъ поселился, вслѣдствіе различныхъ бѣдствій постигшихъ его ставшій въ это время большою деревнею, имѣлъ недостатокъ во всемъ, что въ древнія времена составляло муниципальную принадлежность города. Феодоритъ употребилъ остатокъ своего состоянія, чтобы дать ему все это. Городъ не имѣлъ воды въ своихъ разрушенныхъ фонтанахъ: онъ, съ большими издержками, устроилъ ихъ. Рѣка Марсіасъ каждый годъ въ половодье наводнила его мѣстность: онъ построилъ плотины, чтобы удержатъ ее, и мосты, чтобы перѣзжать. Жители не имѣли удобнаго мѣста для своихъ собраній, ни на открытомъ воздухѣ, ни подъ крышею: онъ выстроилъ для нихъ форумъ, окруженный портиками; ихъ церковь падала отъ ветхости, онъ воздвигъ имъ другую на свои средства²⁾.

Заплативши такимъ образомъ щедрою рукою городу Киру за свое пребываніе, новый гражданинъ его сдѣлался

1) Theodor., Ep. 119, 233.

2) Theodor., Ep. 10, 79, 81.—Procop., *De aedif. Just.*



такимъ же бѣднякомъ, какими были и старые его граждане. „У меня нѣтъ болѣе ничего, весело писалъ онъ одному другу, ни дома, ни гроба; одна одежда, меня покрывающая, составляетъ все мое достояніе“. Признательный городъ вознаградилъ его за его щедроты, выбравъ его своимъ епископомъ. Въ этомъ новомъ положеніи своемъ, которое онъ принялъ противъ воли, онъ показалъ себя такимъ же безкорыстнымъ и благотворительнымъ, какъ и прежде. Обращеніе еретиковъ стало теперь однимъ изъ самыхъ любимыхъ его трудовъ. Сосѣдняя страна, находившаяся на границѣ Сиріи и Персіи, заключала въ себѣ безчисленное множество людей принадлежавшихъ ко всевозможнымъ ересямъ, бѣжавшихъ отъ религіозныхъ преслѣдованій и называвшихъ себя то римлянами, то персами, смотря по тому, господствовала или не господствовала терпимость въ Имперіи. Они составляли какую-то странную націю, смѣсь всѣхъ вѣрованій, всѣхъ племенъ и всѣхъ человѣческихъ бѣдностей. Θεодоритъ отправился въ ихъ среду и одну часть ихъ обратилъ къ вѣрѣ. Когда онъ приходилъ въ Антиохію по дѣламъ своей епархіи, народъ подстерегалъ его и увлекалъ въ церковь, заставляя проповѣдывать. Въ этомъ городѣ риторъ, страстно любившемъ цвѣтистые періоды и обильныя словами рѣчи, его сглагола и сжатая рѣчь трогала всѣ сердца; не одинъ разъ и самъ патріархъ, присутствовавшій на этихъ поученіяхъ, вставалъ съ мѣста, чтобы подать знакъ къ рукоплесканіямъ; послѣ этого Θεодоритъ снова удалился въ свое уединеніе, стыдяся того пустаго шума, который онъ произвелъ ¹⁾. Таковъ былъ человѣкъ, котораго настоятельныя потребности религіозной борьбы заставляли возвратиться въ міръ; онъ входилъ въ него, чтобы, по примѣру древнихъ мудрецовъ, съ которыми пытались его сравнивать, испытать цыкуту христіанскихъ гоненій.

¹⁾ Theodor. Ep. 79, 83.

II.

Между тѣмъ миновалъ праздникъ Пасхи, и епископы одинъ за другимъ направились къ Ефесу, одни сухимъ путемъ, а другіе моремъ. Императорское повелѣніе, данное митрополитамъ въ призывной грамотѣ, взять съ собою на соборъ только небольшое число изъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ, присутствіе которыхъ на соборѣ могло бы быть полезнымъ, а другихъ оставить для исполненія религиозныхъ обязанностей въ провинціи, истолковано было патріархами различно.

Антіохійскій патріархъ, обширная юрисдикція котораго простиралась на востокъ даже за Ефратъ, а на югъ до горъ Анти-Дивана, понялъ его въ томъ смыслѣ, чтобы каждый митрополитъ привезъ съ собой только двухъ помощниковъ изъ подвѣдомыхъ ему епископовъ; вѣроятно онъ имѣлъ въ виду при этомъ примѣры послѣднихъ соборовъ: во всякомъ случаѣ онъ думалъ такимъ образомъ въ точности сообразоваться съ волею императора. Александрійскій же патріархъ понялъ желаніе императора совсѣмъ иначе: въ патріархатѣ его было мало митрополитовъ, а много подчиненныхъ имъ епископовъ; Кириллъ назначилъ изъ нихъ пятьдесятъ человекъ слѣдовать за собою на соборъ ¹⁾. Съ своей стороны и епископъ ефесскій, экзархъ церковной области въ Азіи, созвалъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ ²⁾, чтобы они оказали ему содѣйствіе въ такомъ важномъ дѣлѣ, съ которымъ соединены были ближайшимъ образомъ честь и интересы его митрополіи, по особенной причинѣ, которую мы сейчасъ укажемъ.

Когда императоръ Θεодосій и Несторій выбрали мѣс-

¹⁾ Cyrillus quidem quinquaginta episcopos aegyptios congregans. Concil., III. p. 320. Euagr., I, 3.

²⁾ Alter vero plusquam triginta asiaticos, et aliquos alios. Conc., III, p. 320.

томъ будущаго собора Ефесъ, они совсѣмъ опустили изъ виду нѣкоторыя обстоятельства, которыя далеко не благоприятствовали тому, чтобы вопросъ о Маріи, Матери Божіей, могъ быть изслѣдуемъ здѣсь безпристрастно и обсуждаемъ спокойно. Марія Дѣва въ послѣдніе годы своей жизни жила въ Ефесѣ, куда она послѣдовала за пріемнымъ сыномъ своимъ, полученнымъ ею отъ истиннаго Сына своего у подножія креста: здѣсь же она и скончалась; здѣсь находилась и могила ея, недалеко отъ могилы любимаго ученика Спасителя. Таково по крайней мѣрѣ было общее мнѣніе въ V вѣкѣ, нашедшее себѣ выраженіе даже на самомъ соборѣ¹⁾; таково было въ особенности мнѣніе города Ефеса, который извлекалъ изъ этого общаго вѣрованія обильный источникъ доходовъ отъ множества богомольцевъ, привлекаемыхъ сюда чувствомъ благоговѣнія къ двумъ священнымъ могиламъ—Дѣвы Маріи и Іоанна Богослова, какъ называли ея второго сына.

Ефесскій народъ, магистратъ и клиръ, словомъ, всѣ

¹⁾ Это сдвали вѣрно: древнее, и широко распространенное въ церкви, преданіе, напротивъ, указываетъ мѣсто кончины Матери Божіей въ Іерусалимѣ а мѣсто погребенія ея на горѣ Елеонской. Частное мнѣніе объ этомъ ефесскія приурочивавшее мѣсто погребенія Богоматери къ своему городу, иное дѣло. Но чтобы это мнѣніе нашло себѣ выраженіе и на ефесскомъ вселенскомъ соборѣ, на это въ актахъ собора мы не нашли нигдѣ яснаго указанія, и даже намекъ: всюду говорится только, что въ Ефесѣ была великая, т. е. соборная церковь называемая „Марія“, но нигдѣ не говорится, чтобы въ этой церкви была гробница или могила Дѣвы Маріи; упоминается не разъ и о другой великой церкви въ Ефесѣ, называемой „Іоаннъ Богословъ“, но при этомъ ясно говорится о гробницѣ этого апостола въ церкви, носившей имя его. Фраза, сказанная въ одномъ соборномъ документѣ (посланіе собор. къ епископу и народу константинопольскому: Concil. III. р. 300) объ Ефесѣ: „здесь (пробывають) Іоаннъ Богословъ и св. Дѣва Богородица Марія“, — фраза, которую, быть можетъ, имѣлъ въ виду авторъ, по нашему мнѣнію должна быть отнесена къ соборнымъ храмамъ въ Ефесѣ, носившимъ имена ихъ, изъ коихъ въ одномъ несомнѣнно была и гробница святаго, а въ другомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, не было ея. *Примѣч. переводчика.*

считали мать Христа Спасителя не только покровительницею, но и питательницею Ефесса: это она ниспосылает на городъ и на всю Азію всѣ роды благъ; это она защищаетъ, какъ отъ разбойниковъ на сухопутныхъ дорогахъ, такъ и отъ бурь на морѣ, благочестивыхъ путешественниковъ, которые приходятъ въ Ефесъ на поклоненіе ея могилѣ. Въ городѣ построенъ былъ великолѣпный храмъ съ именемъ *Маріи*, въ которомъ Мать Христа Спасителя была особенно чтима¹⁾. Этотъ храмъ, говорятъ, былъ въ то время единственнымъ храмомъ въ христіанскомъ мірѣ посвященнымъ ея имени, такъ какъ въ это время еще крѣпко держался обычай посвящать церковный храмъ имени того или другаго святаго только въ томъ случаѣ, если въ немъ мѣлись мощи этого святаго. Поэтому оспаривать у *Маріи* дѣвы наименованіе матери Божіей значило въ глазахъ каждаго добраго ефесянина стать явнымъ нечестивцемъ и врагомъ города. Если теперь принять въ соображеніе, какое сильное вліяніе оказываетъ на совѣдательное собраніе окружающая его среда, то нельзя не признать, что еслибы императоръ Феодосій и Несторій хотѣли сдѣлать нѣчто особенно благопріятствующее принятію термина *Богородица*, то они ничего лучше не могли сдѣлать для этого, какъ избрать мѣстомъ собора городъ Ефесъ.

Господствующее настроеніе ефесскихъ гражданъ, благопріятствующее одной и враждебно относящееся къ другой изъ спорящихъ сторонъ, не замедлило завлечь свою силу тогчасъ же вслѣдъ за прибытіемъ главныхъ вождей враждующихъ партій.

Однимъ изъ первыхъ прибывшихъ на соборъ былъ Несторій. Онъ прибылъ съ небольшимъ числомъ епископовъ, но за то окруженный многочисленною свитою служителей и тою блестящею обстановкою, которую онъ любилъ вы-

¹⁾ Concil. III. 231, 293.

казывать въ Константинополь ¹⁾. Его сопровождало одно изъ высокопоставленныхъ лицъ при дворѣ, комитъ Иринеѣ, безъ всякаго впрочемъ officialнаго порученія, а изъ одной дружбы къ архіепископу и сочувствія къ его ученію; императорскій комиссаръ, комитъ Кандидіанъ, долженствовавшій представлять собой императора, долженъ былъ *прибыть въ Ефесъ какъ разъ ко времени назначенному для открытія собора.*

Иринеѣ былъ человекъ честный и благородный, страстно любившій заниматься богословскими вопросами. какъ и многіе изъ свѣтскихъ людей того времени, и къ тому же искренно религіозный; нѣсколько лѣтъ спустя, онъ бросилъ и свои богатства и почести своего званія, чтобы раздѣлить съ своимъ другомъ преслѣдованіе церкви. Пятнадцать или двадцать епископовъ, одни изъ патріархата Несторія, а другіе изъ числа его прежнихъ товарищей на Востокъ и ссоропниковъ его мнѣній, присоединились къ нему и составили тѣсный кружокъ лицъ, оставшійся вѣрнымъ ему до конца. Пріемъ, сдѣланный имъ, равно какъ и ихъ вождемъ, въ Ефесѣ былъ крайне холоденъ и даже враждебенъ. Мэиистратъ Ефеса не оказалъ имъ никакой почести, а епископъ заперъ для нихъ всѣ свои церкви ²⁾; когда они выходили изъ своихъ домовъ, то на улицѣ увязывали на нихъ пальцами и всячески старались сдѣлать имъ какое-либо оскорбленіе. Позднѣе понадобилось, чтобы императорскій комиссаръ при соборѣ далъ имъ конвой солдатъ для защиты. Что же касается Несторія, то, надобно сказать правду, онъ держалъ себя въ своемъ положеніи обвиняемаго съ достоинствомъ, не пытаясь ни проникнуть въ

1) Nestorius cum ingenti promiscuae plebis multitudine Ephesium advenit. Soer., VII, 24.—Nestorius primus illie adfuit. Evagr. 1, 3.

2) Memnon Ephesiorum episcopus sanctas ecclesias, sanctorumque martyrum aedes et sacrosanctam apostoli Ioannis basilicam nobis praeclusit. Conc. III, p. 296, 313.



церкви, откуда Мемновъ непременно велѣлъ бы выгнать его, ни сдѣлать какую нибудь выходку, которую могли бы обратить противъ него самаго.

Немного времени спустя послѣ Несторія прибылъ въ Ефесъ и Кириллъ съ своими пятидесятью египетскими епископами и съ почти императорскою свитой. Застигнутый на пути страшными бурями на высотѣ Родоса, онъ долженъ былъ на время зайти въ пристань и достигъ ефесскаго порта только съ большими поврежденіями. Онъ не преминулъ приписать спасеніе себя и своего флота покровительству Маріи, матери Божіей¹⁾, защиту имени которой онъ на себя принималъ. Оставивъ свои корабли стоять на якорѣ, онъ пошелъ въ городъ торжественною процессіею: впереди его шли въ чинномъ порядкѣ пятьдесятъ епископовъ его, а позади въ боевомъ порядкѣ цѣлая армія епископскихъ слугъ, параболанъ²⁾, флотскихъ матросовъ и наемныхъ людей, носильщиковъ и нищихъ, которыхъ онъ привезъ изъ Александріи...³⁾.

1) Mare sese subdidit. Concil. III, p. 585. Cyril. Epist. 18.

2) Παράβολοι, отъ παρὰβολομαι, значить—„пренебрегающіе опасностью, рискующіе, дерзкіе“. Такъ называлась корпорація больничныхъ служителей и погребальщиковъ мертвыхъ города Александріи,—корпорація принадлежащая къ церкви и по всей вѣроятности наслѣдовавшая священному сословію багъамировщиновъ, столь могущественному во времена древняго Египта. Члены этой корпораціи выбирались архіепископомъ, въ полной власти котораго и находились по своимъ уставамъ; они составляли отрядъ его тѣлохранителей, хорошо вооруженный и рѣшительный, который охранялъ его въ городѣ и слѣдовалъ за нимъ внѣ города. Исторія показываетъ намъ имя параболанъ замѣшаннымъ въ многочисленныхъ буйствахъ, совершенныхъ ими то въ Константинополѣ, то въ Азій, словомъ повсюду, гдѣ паходились ихъ епископы. Впослѣдствіи законъ долженъ былъ вышажься, чтобы обуздать эту опасную корпорацію. Я уже говорилъ о буйствахъ и жестокостяхъ параболанъ Кирилла въ томъ моихъ рассказѣ изъ Римской имперіи, озаглавленномъ: „Placidie et Pulcherie“.—Demembrement de l'Empire.

3) Авторъ прибавляетъ къ этому: „Говорятъ, что Кириллъ привезъ съ собою изъ Александріи даже мыльщиковъ изъ публичныхъ бань,—что въ его свитѣ фигурировало нѣсколько діаконовъ и другихъ женщинъ посвященныхъ



Городской магистратъ и народъ оказали ему совсѣмъ другой пріемъ, чѣмъ его противнику: его встрѣтили съ такимъ восторгомъ, что въ немъ, казалось, привѣтствовали какъ бы втораго покровителя города.

Епископъ Мемнонъ, столь жестокій по отношенію къ Несторию и его друзьямъ, предоставилъ египетскимъ епископамъ всѣ церкви и самъ лично сталъ въ положеніе какъ бы на мѣстника ихъ главы на все время его пребыванія въ Ефесѣ. Пресвитеры, городскіе судьи и граждане Ефеса до такой степени соперничали между собою въ выраженіяхъ своего почтенія и благоугожденія Кириллу, что онъ могъ думать, что находится въ одной изъ своихъ областей на берегахъ Нила.

Домъ патріарха александрійскаго и Мемнона сдѣлались отселъ двумя центрами, куда старались завлекать новоприбывшихъ епископовъ, но мѣрѣ того какъ они пріѣзжали. Здѣсь то именно сформировалась армія Кирилла. Формированіе ея взялъ на себя Мемнонъ, — и, не пренебрегая никакими мѣрами, ведущими къ этой цѣли, онъ исполнилъ свою за-

дачи, которыя должны были заботиться хозяйствомъ патріаршаго дома и заботиться о здоровьѣ патріарха въ продолженіе его путешествія въ Ефесъ". Кто это—*говорить*, и заслуживаетъ ли вѣры этотъ говоръ, авторъ умалчиваетъ объ этомъ, и г. обр. явно набрасываетъ тѣнь на Кирилла. Но несомнѣнно, онъ почерпнулъ свѣдѣнія объ этой молвѣ изъ одного документа, приложеннаго къ дѣяніямъ собора (Списокъ съ посланія Кирилла къ египетскимъ епископамъ Θεопемиту, Потамоу и Даниилу, находившимся въ Константинополѣ. Concil. III. р. 414), гдѣ положительно говорится, что эта молва распушена была врагами Кирилла и по разслѣдованіи комита Іоанна оказалась явною *клеветою*, за распространеніе которой клеветники подвергнуты были наказанію. Такихъ заведомо несправедливыхъ показаній и язвительныхъ намековъ на Кирилла у автора встрѣчается немало. Крайне нерасположенный къ личности этого іерарха и несправедливый въ сужденіяхъ о немъ, авторъ усиленно подбираетъ отовсюду черты, окрашающія не симпатичный ему образъ ея. Нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ онъ совсѣмъ забылъ правило исторіи: *sine ira et studio*.

Примѣч. переводчика.

дачу съ беззащитною смѣлостью, послѣдствія которой мы скоро увидимъ. Беря примѣръ съ патріарха, который почти осиротилъ церковную область свою для того, чтобы имѣть на соборѣ пятьдесятъ епископовъ, подающихъ голосъ за одно имъ, онъ приказалъ прибыть въ Ефесъ всѣмъ тридцати пяти епископамъ своего экзархата...¹⁾ и кромѣ того привлечь не мало и чужихъ епископовъ изъ числа неприглашенныхъ своими митрополитами²⁾; если вѣрить современнымъ документамъ, нѣкоторые изъ этихъ епископовъ были отлученные отъ церкви, изложенные за разныя преступленія и даже признанные еретиками³⁾.

Всѣ эти люди были призваны и приняты благосклонно, вопреки церковнымъ правиламъ. Вслѣдъ за ними стеклись въ Ефесъ пресвитеры, оставившіе свои церкви, монахи, убѣжавшіе изъ монастырей, свѣтскіе люди всякаго званія; однихъ привлекло любопытство, другихъ фанатизмъ и всѣ они гордились возможностию оказать содѣйствіе торжеству покровительницы Азіи. Эта толпа иностранцевъ, увеличиваемая празднующими людьми всякаго рода, не замедлила производить въ городѣ безпорядки⁴⁾: почти каждый день можно было видѣть, то тамъ то сямъ, при- скорбныя кровавыя драки. Императорскіе чиновники должны были принять энергическія мѣры. Для поддержанія въ городѣ тишины и спокойствія, они повыгоняли изъ города ненужную толпу иностранцевъ и монаховъ, и сосредоточили въ Ефесѣ гарнизоны соседнихъ городовъ.

¹⁾ Concil. III, p. 320.

²⁾ Episcopi, qui non vocati, ad turbandum sanctam synodum, accesserunt. Conc., III p. 377.

³⁾ Alii a synodis vel ab episcopis diversis in locis excommunicati et depositi: qui sane omnes aliud nihil sunt, quam hominum turba divinatorum dogmatum nescia, et ad tumultus seditionesque nata. Concil., III, p. 377.

⁴⁾ Comperimus Cyrillum Alexandrinum episcopum, et Memnonem Ephessorum, sexcenta gravissima et detrimentosa contra sanctam Dei ecclesiam gessisse, et civitatem, sanctamque synodum turbis tumultibusque complere. Concil., III, p. 319.



Каковы ни были средства обольщенія, расточаемыя новоприбывшимъ епископамъ съ цѣлію завербовать ихъ подъ то или другое знамя, многіе изъ нихъ однакожъ хотѣли остаться свободными. Въмѣсто того чтобы присоединиться къ двумъ уже образовавшимся группамъ, они пытались составить особенную группу людей дѣйствующихъ по совѣсти, которые рѣшились подождать разъясненія спорнаго предмета отъ соборныхъ преній, чтобы склониться на ту или другую сторону; они думали, что окажутъ полное уваженіе собору, если не свяжутъ себя напередъ какимъ либо опредѣленнымъ мнѣніемъ, не выслушавъ мнѣнія другихъ. Эта средняя партія удерживалась отъ присутствія на частныхъ собраніяхъ епископовъ Кирилла,—такъ начинали называть тѣхъ, которые собрались вокругъ него подъ знаменемъ Маріи *Богородицы*,—равно какъ и маленькаго стада Несторія. Члены этой средней партіи ожидали, чтобы перейти на ту или другую сторону, прибытія сирійскихъ епископовъ, которыхъ численность и познанія должны были, по ихъ мнѣнію, рѣшить большинство голосовъ.

Такая тактика ихъ сильно беспокоила Кирилла, который настолько боялся прибытія антїохійскаго патріарха, насколько другіе желали его,—и Мемнонъ рѣшился подчинить этихъ упрямыхъ даже силою, если убѣжденіе не окажется на нихъ никакого дѣйствія. Сначала онъ послалъ къ этимъ разномыслящимъ епископамъ клириковъ своей церкви, чтобы вразумить ихъ насчетъ послѣдствій отдѣленія ихъ отъ Кирилла; потомъ—знатнѣйшихъ гражданъ города, чтобы ихъ тронуть, поставляя на видъ, что подавать голосъ противъ Кирилла значитъ содѣйствовать разрушенію благосостоянія ихъ города, лишая подобающей ей чести Покровительницу его. Кто же изъ нихъ оставался непреклоннымъ ни мольбами, ни вразумленіями, на тѣхъ указывали городской черни, которая, съ свойственною ей дерзостью и грубостью, днемъ оскорбляла ихъ на улицахъ до такой степени, что они не осмѣливались выходить изъ домовъ ихъ, а ночью

на дверяхъ ихъ домовъ дѣлали какіе либо зловѣщіе знаки, указывающіе на угрожающую имъ опасность¹⁾. Напрасно жаловались они городскимъ судьямъ: тѣ или подсмѣивались надъ ними, или въ свою очередь называли ихъ самихъ общественными врагами. Какъ ни кажутся нешѣроятными эти факты, но позднѣе они были доказаны гражданскими и церковными изслѣдованіями²⁾. Многіе изъ этихъ епископовъ, старые или немощные, должны были наконецъ преклонить свои головы и примириться съ кирилловцами, но около шестидесяти остались твердыми въ своемъ рѣшеніи ожидать пріѣзда Восточныхъ, къ тому же и близкаго уже. Этимъ названіемъ *Восточныхъ*, взятомъ въ частномъ и ограниченномъ смыслѣ, обозначали тогда весь епископатъ и клиръ антиохійскаго патріархата; я выскажу въ нѣсколькихъ словахъ причину этого названія.

Провинція сирійская, самая обширная изъ римскихъ провинцій на востокъ средиземнаго моря, въ официальной номенклатурѣ носила названіе *діоцеза Востока*, и такъ какъ этой первенствующей губерніи Азіи усвоено было достоинство *консисторіальнаго комитета*, то высшій государственный чиновникъ, управлявшій ею и имѣвшій своею резиденціею Антиохію, назывался *комитомъ Востока*. Въ силу параллелизма, установившагося со временъ Константина, между двумя іерархіями, гражданскою и церковною, и антиохійскій патріархатъ, заключавшій въ себѣ всю гражданскую область Сиріи, носилъ названіе *архіепископства*

¹⁾ Nautas vero, clericosque Aegyptios, et agrestes Asianos ad episcoporum domos mittentes, extremaque interminantes, ac infirmiores perterre facientes, et domos forinsecus inscribentes, quo nimirum appugnandi conspicui essent, iniquis ipsorum actis assentiri compellebant. Conc. III. p. 320.

²⁾ Не поднимая вопроса, насколько вѣрны эти и другіе имъ подобные, приводимые авторомъ факты, представляющіе въ мрачномъ видѣ образъ дѣйствій сторонниковъ Кирилла, замѣтимъ только, что всѣ они почерпнуты изъ документовъ исходящихъ отъ враждебной Кириллу партіи сторонниковъ Нестора.

Примѣч. переводч.



или *патріархата Востока*, а епископы, завистлившіе отъ него, обыкновенно назывались *Восточными*; такимъ именемъ ихъ обозначали въ распредѣленіи церковныхъ діоцезовъ. Какъ комитъ Востока былъ самымъ могущественнымъ изъ правителей римской Азіи, такъ и патріархъ Востока былъ самымъ могущественнымъ изъ епископовъ христіанской Азіи. Юрисдикція его простиралась даже и за предѣлы гражданской провинціи на обращенныхъ въ христіанство варваровъ Аравіи или Персіи, которые зависѣли отъ религіозной митрополіи своей, Антиохіи, оставаясь совершенно чуждыми Имперіи.

Въ слѣдствіе такой чрезъ мѣру обширной юрисдикціи антиохійскаго патріарха, въ церковной администраціи его патріархата происходило множество промедленій и затрудненій; передвиженія были такъ громадны, и совершались по крайне труднымъ дорогамъ. Такъ, епископамъ сграницъ Еврата нужно было употребить болѣе двѣнадцати дней скорой ходьбы, чтобы явиться къ своему патріарху, когда онъ ихъ призывалъ къ себѣ ¹⁾. А въ настоящемъ случаѣъ выбранные для присутствія на ефесскомъ соборѣ епископы должны были еще сначала присоединиться къ своимъ митрополитамъ, чтобы съ ними отправиться въ Антиохію, и оттуда уже всѣмъ вмѣстѣ поѣхать на соборъ подъ предводительствомъ своего патріарха; переездъ отъ Антиохіи до Ефеса требовалъ не менѣе тридцати двухъ дней ²⁾, даже въ общественныхъ каретахъ. Изъ этого видно, какою трудною задачею было для патріарха Востока соединить вокругъ себя представителей своей церкви и привести ихъ въ Ефесъ. Іоаннъ антиохійскій еще значительно упростилъ эту задачу, назначивъ только по два епископа отъ каждой митрополіи.

¹⁾ Quippe urbes, ab urbe Antiocha, distant duodecim dierum itinere. Evagr. I, 3.

²⁾ Ephesus distat ab urbe Antiocha iter dierum triginta. Evagr. I, 3.—Mercator. II, p. 24.

Срокъ, и безъ того уже слишкомъ короткій для того, чтобы переѣхать въ столицу провинціи Азіи въ промежутокъ времени между праздниками Пасхи и Пятидесятницы, какъ это предписывалось въ призывной императорской грамотѣ, былъ еще болѣе сокращенъ для восточныхъ особеннымъ обычаемъ, соблюдавшимся въ восточномъ патріархатѣ. Тамъ пасхальное торжество не только праздновалось съ большимъ блескомъ, чѣмъ въ остальныхъ церквахъ, но и продолжалось до осьми дней, такъ что епископы могли въ этомъ году отбыть изъ своихъ епархій только въ послѣднихъ числахъ апрѣля, такъ какъ Пасха приходилась 19 числа этого мѣсяца. Время, требовавшееся для соединенія ихъ въ центрахъ митрополій и общаго собранія въ Антиохіи, не позволяло имъ отправиться въ Ефесъ ранѣе первой недѣли мая мѣсяца. Въ виду этого, Іоаннъ антиохійскій написалъ уже собравшимся въ Ефесъ епископамъ, чтобы они соблаговолили подождать прибытія его и восточныхъ епископовъ нѣсколько дней и по прошествіи назначеннаго срока, общая съ своей стороны всевозможную поспѣшность, какая только будетъ зависѣть отъ него. Онъ надѣялся, по его расчету, пропусти не болѣе недѣли послѣ Пятидесятницы; но онъ не принялъ въ расчетъ случайностей неразлучныхъ съ такимъ путешествіемъ, а такихъ случайностей представилось нѣсколько. Такъ, отъѣздъ былъ замедленъ сначала возмущеніемъ антиохійцевъ, вызваннымъ дороговизною съѣстныхъ припасовъ, при чемъ патріархъ счелъ своею обязанностію явиться миротворцемъ. Затѣмъ другое замедленіе произошло вслѣдствіе сильнаго разлива Оронта, повредившаго дорогу, по которой должны были ѣхать епископы ¹⁾. Наконецъ предъ отъѣздомъ своимъ въ Ефесъ, Іоаннъ захотѣлъ устроить засѣданіе провинціального своего синода, который онъ со-

¹⁾ *Fames, praeterea, quae Antiochenam civitatem vehementer afflixit, et quotidiana populi perturbationes, et ingens praeter tempus vis imbrum, quae torrentibus inundantibus in discrimen civitatem adduxerat, non paucos quoque dies in supradicta civitate nos detinuerunt. Concil., III, p. 317.*

звалъ съ цѣлію установить на немъ съ общаго согласія, какъ слѣдуетъ держать себя на ефесскомъ соборѣ, чтобы вся сирійская церковь была солидарна съ дѣйствіями своихъ делегатовъ.

На этомъ синодѣ обстоятельно и послѣдовательно изслѣдовано было, какъ надлежало вести себя и дѣйствовать по отношенію къ Несторію и по отношенію къ Кириллу. Синодъ былъ того мнѣнія, что по отношенію къ Несторію надобно дѣйствовать въ духѣ примирительномъ, чтобы тѣмъ ободрить его идти далѣе по пути уступокъ, на который онъ вступилъ уже вслѣдствіе увѣщаній самаго Іоанна. Что же касается Кирилла, или точнѣе его анаѳематствъ, то положено было рѣшительно отвергнуть ихъ: если Несторій, слишкомъ упорный въ своихъ мнѣніяхъ, долженъ быть осужденъ, то онъ будетъ осужденъ по крайней мѣрѣ не въ силу этихъ еретическихъ, богохульныхъ и опасныхъ особенно для церквей Востока предложеній. Итакъ, два рѣшенія были приняты съ общаго согласія: снисходительность къ Несторію, чтобы ею привести его къ раскаянію, и борьба на смерть противъ анаѳематствъ Кирилла. Наконецъ всѣ бывшіе на синодѣ епископы обязались взаимно другъ предъ другомъ: отирающіеся въ Ефесѣ—сообразоваться во всемъ съ рѣшеніемъ провинціального своего синода, а остающіеся—напередъ согласиться со всѣми дѣйствіями своихъ представителей¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ колонна восточныхъ собралась и двинулась въ путь къ Ефесу. Андрей самосатскій и Феодоритъ кирскій были въ числѣ лицъ присутствовавшихъ на засѣданіи синода, гдѣ отцы собора вполнѣ одобрили сочиненія ихъ, написанныя въ опроверженіе анаѳематствъ Кирилла, имъ же въ особенности поручали поддерживать въ Ефесѣ

¹⁾ In hac fidei expositione nos omnes conquiescere confitemur; et qui hic Ephesi convenimus, et qui provinciis nostris degunt religiosissimi episcopi, assensum praebentes omnibus his, quae a nobis agentur. Concil. III, p. 374.

обвиненіе противъ „Египтянина“ въ ереси; но когда пришлось ѣхать, Андрей извинился плохимъ состояніемъ своего здоровья и остался; Θεодоритъ, котораго мужество было недоступно никакой слабости, принялъ на себя одного всю тяжесть борьбы, поѣхалъ, и даже предупредилъ на пути своего патріарха.

Между тѣмъ епископы собравшіеся въ Ефесѣ, въ ожиданіи открытія засѣданій собора, пользовались своимъ досугомъ различно. Одни приготовлялись къ предстоящимъ преніямъ чтеніемъ св. Отцовъ; Кириллъ, съ помощію прото-нотарія своей церкви, занимался выписываніемъ изъ книгъ Несторія такихъ мѣстъ, которыя наиболее подавали поводъ къ обвиненіямъ, и противопоставлялъ имъ такія мѣста изъ св. Отцовъ, которыя наилучше подтверждали его собственное ученіе ¹⁾; другіе проводили время въ разговорахъ и спорахъ о предметѣ, по поводу котораго ихъ созвали въ Ефесѣ. Дѣлались частыя посѣщенія изъ одного лагеря въ другой, если тамъ имѣлись друзья; туда ходили для разговоровъ, для наблюденій, а немножко и для шпионства.

Несторій на этихъ домашнихъ бесѣдахъ любилъ защищать тезисы, поражающіе удивленіемъ его противниковъ; онъ то казался соглашающимся съ ними, то упорно стоялъ на своихъ мнѣніяхъ, какъ бы для того только, чтобы этою изворотливостію ума своего выказать свое умѣніе говорить и приготовиться къ предстоящимъ важнымъ преніямъ ²⁾. Было замѣчено, что Кириллъ рѣдко проходилъ мимо Несторія и вовсе не подходилъ къ нему. „Онъ избѣгаетъ меня, говоритъ Несторій съ своимъ обычнымъ высокомѣріемъ; онъ боится, чтобы я его не обратилъ“. Колкія слова, легкомысленныя и дерзкія рѣчи, сказанныя на этихъ домашнихъ бесѣдахъ, передаваясь изъ одного лагеря въ другой,

¹⁾ Testimonia veterum patrum contra Nestorium. Concil. III, p. 267—280. Mercator., II, p. 95; V, p. 19.—Soer., VII, 34.

²⁾ Concil., III, p. 265. 293 et pass.



поддерживали существующее между ними несогласіе и нерѣдко падали на голову ихъ сочинителей: это именно случилось съ Несторіемъ въ двухъ достопамятныхъ случаяхъ.

Его посѣтили два человѣка, нѣкогда бывшіе его близкими друзьями, которые, хотя держались совсѣмъ противоположнаго его ученію мнѣнія, но не потеряли къ нему прежней привязанности: это были Акакій мелитинскій и Θεодотъ анкирскій. Акакій, разъ посѣтивши Несторія, думалъ, что ему удалось навести его на болѣе православный образъ мыслей, и пришелъ къ нему во второй разъ съ сердцемъ исполненнымъ радостной надежды, чтобы довершить его обращеніе, какъ, противъ всякаго ожиданія, Несторій сталъ говорить ему самыя странныя рѣчи. Когда епископъ мелитинскій, приводя доказательства изъ св. Писанія, утверждалъ, что Сынъ Божій истинно и дѣйствительно родился отъ жены, для того чтобы искупить человѣка отъ смерти: „сознайтесь по крайней мѣрѣ, сказалъ, прерывая его, Несторій, что если Слово, вторая ипостась св. Троицы, воплотилось, то вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ воплотиться и самъ Богъ Отецъ и Духъ святой, потому что Троица есть троичественна и единична по своему существу“ ¹⁾.

Эти слова заставили епископа мелитинскаго съ ужасомъ отступить, какъ вслѣдъ за тѣмъ одинъ изъ спутниковъ Несторія, сорвавшись съ своего мѣста, вскричалъ: „Что касается до меня, то, находя іудеевъ виновными въ убійствѣ, я не обвиняю ихъ въ богоубійствѣ, потому что они убили не Бога, а только человѣка ²⁾); а другой епископъ изъ партіи несторіанцевъ сталъ утверждать, что надобно строго отличать (во Исусѣ Христѣ) сына Божія,

¹⁾ Patrem et Spiritum Sanctum unà cum Verbo carnem sumpsisse profiteretur. Concil. III, p. 265.

²⁾ Aderat et alius quidam ipsi, qui Iudeis patrocinator, eos non in Deum, sed in hominem impios extitisse affirmabat. Concil. III, p. 266.

претерпѣвшаго страданія, отъ Бога Слова ¹⁾). Акакій не могъ болѣе выносить подобныхъ нелѣпостей; онъ вышелъ отъ Несторія полный негодованія, и болѣе не являлся къ нему.

Такое же разочарованіе вынесъ и Θεодотъ анкирскій. Когда онъ съ жаромъ излагалъ ученіе о вѣчномъ Сынѣ Божіемъ, „родившемся во времени и по плоти изъ чрева Дѣвы Маріи“: „вы можете думать объ этомъ какъ хотите, вскричалъ Несторій, но я никогда не признаю Бога двухмѣсячнаго или трехмѣсячнаго; никогда не буду поклоняться, какъ Богу, дитяти, сосавшему молоко своей матери, и бѣжавшему въ Египетъ, чтобы спасти свою жизнь“ ²⁾). Съ этого дня Несторій уже не былъ болѣе еретикомъ только, онъ не былъ даже и христіаниномъ. Друзья его замѣтили, что онъ заходитъ уже слишкомъ далеко и губить себя,—и сказали ему объ этомъ; но онъ, всегда самонадѣянный и легкомысленный, въ извиненіе своихъ словъ, отвѣчалъ имъ: „вѣдь я говорилъ все это только для упражненія въ преніяхъ; впрочемъ съ меня уже довольно этихъ нескончаемыхъ споровъ,—и я умываю руки въ нечестіяхъ моихъ противниковъ“.

Акакій и Θεодотъ, выходя отъ Несторія, не могли удержать своего негодованія, и разговоръ ихъ съ Несторіемъ дошелъ до свѣдѣнія Кирилла. Кириллъ хотѣлъ, чтобы они самолично засвидѣтельствовали объ этомъ разговорѣ, такъ какъ онъ представлялъ доказательства противъ Несторія болѣе сильныя, чѣмъ все что могли найти въ его сочиненіяхъ. Оба епископа, какъ люди честные, немного

¹⁾ Episcopus quidam, qui cum ipso erat, sermonem excipiens, alium asserbat Filium esse, qui mortem subierat, et alium item Dei Verbum. Concil., III, p. 265.

²⁾ Verum graviore blasphemias Nestorius adjecit, dicens nolle se bimestrem ac trimestrem Deum, aut lacte nutritum, adorare; neque illum, qui fugit in Aegyptum, Deum nominare. Concil., III, p.



поколебались, но наконецъ должны были это сдѣлать. Кириллъ имѣлъ теперь въ рукахъ своихъ самые очевидные, неоспоримые факты противъ Несторія и думалъ только объ ускореніи кризиса.

Одно важное соображеніе побуждало его покончить съ этимъ дѣломъ до прибытія восточныхъ. Кто долженъ былъ председательствовать на соборѣ? По праву, это мѣсто должно бы принадлежать Несторію, такъ какъ онъ занималъ самый первый по важности епископскій престолъ въ имперіи Востока; но будучи обвиняемымъ, онъ не могъ председательствовать надъ своими судьями: впрочемъ онъ и самъ понималъ это, и, какъ мы сказали уже, вовсе не старался выйти изъ своей роли обвиняемаго. Послѣ константинопольскаго патріарха, вторымъ по важности былъ патріархъ александрійскій Кириллъ; но и онъ, какъ мы видѣли, былъ также обвиняемъ ¹⁾ императорскимъ письмомъ; онъ былъ обвиняемъ даже вдвойнѣ, и за смуты, произведенные въ церкви его властолюбіемъ, и за тѣ жестокости и насилія на его, кои приносили жалобу императору египтяне. Поэтому и египетскій архіепископъ долженъ бы подражать поведенію Несторія и отказаться отъ председательства; но такъ какъ обвиненіе противъ него не было изложено формально по правиламъ церковнымъ, подобно обвиненію направленному имъ самимъ противъ Несторія, то онъ воспользовался этимъ недостаткомъ формальности, чтобы отбросить въ сторону это обвиненіе и вытекающую изъ него неправо-способность, и овладѣлъ председательствомъ въ силу своего права первенства ²⁾.

¹⁾ Nec Cyrillo judicare licuisse, cum unus esset ex eis qui judicandi erant. Cencil., III, p. 983.

²⁾ Cyrillus sibi auctoritatem usurpans, neque a canonibus, neque a vestris edictis ei concessam, in omne genus immodestiae ac sceleris ruit. Concil., III, p. 380. Авторъ забываетъ на этотъ разъ, что въ данное время (до прибытія легатовъ папы) александрійскій патріархъ Кириллъ былъ не

Еслибъ Іоаннъ антиохійскій присутствовалъ на соборѣ дѣло это могло быть поставлено совсѣмъ иначе. Іоаннъ занималъ третье мѣсто между патріархами и, за устраненіемъ Кирилла, онъ долженъ бы былъ по праву председательствовать на соборѣ; въ случаѣ нужды онъ могъ бы поддержать это свое право однимъ очень вѣскимъ аргументомъ, передъ которымъ исчезло бы всякое притязаніе со стороны его противника. Въмѣсто неформальнаго обвиненія, которому могли предать этого послѣдняго императорскіе чиновники, Іоаннъ антиохійскій везъ съ собою обвиненіе, изложенное по всѣмъ правиламъ формы, отъ имени епископовъ провинціи Востока, и конечно ни соборъ, ни императорскіе чиновники не позволяли бы Кириллу председательствовать на соборѣ и направлять пренія его по своему желанію. Опасеніе такого оборота дѣла, навѣянное послѣдними извѣстіями полученными изъ Антиохіи, сильно тревожило патріарха александрійскаго: онъ поспѣшилъ отвратить опасность немедленнымъ открытіемъ засѣданій собора.

Двадцатаго іюня, на тринадцатый день послѣ Пятидесятницы, восточные еще не прибыли въ Ефесъ; стало однакожъ извѣстно, что они находились въ разстояніи отъ города лишь на нѣсколько дней пути: они остановились на время по причинѣ крайняго изнеможенія и болѣзни нѣкоторыхъ изъ своихъ епископовъ. Между тѣмъ голова ихъ колонны, состоящая изъ самыхъ молодыхъ или самыхъ подвижныхъ, безостановочно и спѣшно шла впередъ, и въ этотъ день дошла уже даже до самаго Ефеса. Между прочими въ числѣ ихъ былъ Теодоритъ. Іоаннъ увѣдомлялъ чрезъ нихъ Кирилла особеннымъ письмомъ, что и всѣ они, Богъ дастъ, придутъ навѣрное дней чрезъ пять или шесть т. е. чи-

только вторымъ патріархомъ восточной имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полномочнымъ представителемъ перваго епископа римской имперіи, папы римскаго, и сталъ бы имѣть двойное право быть председателемъ собора. *Примѣч. переводчика,*

сла 26-го ¹⁾); а два другіе епископа ²⁾), посланные Іоанномъ впередъ, заявили со словъ Іоанна, что если онъ не придетъ къ этому числу, то не обидится, если соборъ откроютъ и до его прихода ³⁾).

Люди благоразумные и умѣренные были того мнѣнія, что нужно подождать прибытія восточныхъ, частію по чувству вѣжливости и уваженія къ епископамъ, а еще болѣе по чувству справедливости и даже канонической обязанности; нельзя, говорили они, безъ особенно важныхъ причинъ, лишать самую обширную и знаменитую церковь восточной имперіи права голоса и участія въ преніяхъ о догматическомъ вопросѣ.

Кириллъ, наиротивъ, держался того мнѣнія, что надобно идти далѣе: „Мы и такъ уже довольно времени провели въ напрасномъ ожиданіи ихъ прибытія, нарушая повелѣніе императора, назначившаго день 7 го іюня днемъ открытія засѣданій собора. Многие изъ насъ за это время подверг-

1) Concil., III, p. 230.

2) Это были: Александръ митрополитъ апапейскій и Александръ митрополитъ іеропольскій. Concil., III, p. 297, 348.

3) Кириллъ, въ своемъ посланіи къ константинопольскому клиру, утверждаетъ, что Іоаннъ чрезъ этихъ епископовъ прямо и положительно далъ знать, чтобы „дѣлали свое дѣло“, не дожидаясь его прибытія. (Concil. III, p. 293); тоже самое повторялъ онъ и въ защитительномъ письмѣ своемъ къ императору Θεодосію, утверждая и доказывая, что посланные Іоанномъ впередъ епископы „отъ его имени возвѣстили собору, что вовсе не слѣдуетъ дожидаться его прибытія, а лучше спѣшить исполненіемъ оудрѣлений Императора“ (Concil. III, p. 560). Въ такой же точно формѣ передаютъ слова Іоанна и отцы собора въ своемъ донесеніи императору о изложеніи Несторія (Concil. III, p. 297). Но въ одномъ мѣстѣ упомянутого посланія Кирилла къ константинопольскому клиру сказанное Іоанномъ чрезъ этихъ епископовъ передается однакожъ не въ столь рѣшительной формѣ, а условной; „онъ извѣщалъ насъ чрезъ своихъ епископовъ“: „если замедлю, то продолжайте свое дѣло“. (Concil. III, p. 294). Эта форма выраженія, намекающая на какой-то опредѣленный срокъ, по всей вѣроятности, точнѣе выражаетъ смыслъ словесно переданнаго Іоанномъ извѣщенія, хотя она, какъ видно, истолкована была въ самомъ широкомъ смыслѣ. *Прим. переводчика.*



лись болѣзни, нѣкоторые удрученные недугами старости, не вынося пребыванія въ чужомъ городѣ, упали духомъ, а нѣкоторые и умерли ¹⁾; отсюда слышится требованіе немедленнаго открытія засѣдавій собора. Пусть же тѣ, которые показали себя точными и заботливыми въ исполненіи своихъ обязанностей, не страдают по крайней мѣрѣ отъ нерадѣнія другихъ“. Таковы были причины, высказываемыя имъ публично; но въ частномъ кругу онъ внушалъ сторонникамъ своимъ и нѣчто другое. „Восточные, говорилъ онъ, придуть для того только, чтобы оправдать Несторія, которому Іоаннъ другъ и ученикъ; вѣдь ученіе его не есть ли ученіе антиохійской церкви? Ожидать ихъ еще долѣе значить завѣдомо желать упрочить на соборѣ торжество ереси“. Эти доводы партіи взяли верхъ; сосчитали другъ друга, и такъ какъ на сторонѣ Кирилла нашлось до 198 человекъ, то онъ порѣшилъ немедленно открыть засѣданіе собора.

Вечеромъ того же дня разослано было всеѣмъ епископамъ отъ имени Кирилла, какъ предсѣдателя, и Ювеналія іерусалимскаго, какъ вице-предсѣдателя собора, приглашеніе собраться 22 го числа рано утромъ въ „церкви Марія“, чтобы присгунить къ открытію собора. Въ тоже самое время четыре епископа явились къ Несторію и вручили ему письменное приглашеніе явиться на соборъ въ качествѣ обвиняемаго. Несторій отвѣчалъ, что „онъ посмотритъ, что ему дѣлать, когда соборъ будетъ созванъ законнымъ образомъ“ ²⁾, и немедленно увѣдомилъ комита Кандидіана о томъ, что затѣвалось. Эготъ представитель императора, удивленный какъ и все, употребилъ слѣдующій день, 21 числа, воскресенье, на посѣщеніе членовъ большинства, стараясь дать имъ понять, что они самымъ вопіющимъ образомъ нару-

¹⁾ *Mulli ex episcopis in aegritudinem inciderunt, et nonnulli decesserant. Conc. III, p. 297, 348.*

²⁾ *Concil., III, p. 293.*



шаютъ предписанія Θεодосія: епископы еще не собрались въ достаточномъ числѣ, говорилъ онъ имъ; неужели вы хотите заставить меня, представителя императора, обратиться въ ничто всѣ рѣшенія сдѣланныя до прихода восточныхъ ¹⁾? Это предостереженіе, кромѣ того, заявлено было имъ и письменно Кириллу и Ювеналію ²⁾, за подписью коихъ разослано было пригласительное письмо къ епископамъ; но Кандидіанъ не получилъ на него отвѣта.

Въ этотъ же самый день, въ воскресенье, епископы независимой партіи, къ которымъ присоединились и многіе изъ несторіанцевъ, написали протестъ противъ удара, приготавлиаемаго Кирилломъ; они требовали:

1) чтобы для открытія собора подождали прибытія восточныхъ, безъ которыхъ не могло состояться правильное и законное собраніе, и которые были уже близко; 2) чтобы прежде чѣмъ приступить къ открытію засѣданій собора, произвели очистку членовъ его, изгнавши изъ него епископовъ неизвѣстныхъ или недостойныхъ, низложенныхъ или состоящихъ подъ запрещеніемъ, отлученныхъ или пришедшихъ на соборъ безъ приглашенія.

Они объявляли въ заключеніе, что если эта ихъ просьба не будетъ уважена, то они будутъ преслѣдовать виновниковъ и зачинщиковъ всякаго дѣйствія, противнаго правиламъ церкви по всей строгости каноническихъ законовъ. Шестьдесятъ восемь епископовъ, и между ними сорокъ восемь митрополитовъ, подписались подъ этимъ протестомъ, который былъ въ тотъ же самый день предъявленъ Кириллу: но и онъ также остался безъ отвѣта, какъ и протестъ Кандидіана ³⁾.

Въ понедѣльникъ, 22-го числа, на разсвѣтѣ, сто девяносто восемь епископовъ, принадлежащихъ къ партіи

¹⁾ Concil., III, p. 295.

²⁾ Concil. III, p. 317, 321.

³⁾ Lup. Ep. 7.

Кирилла, заняли свои мѣста въ церкви „Марія“. Кириллъ занималъ предсѣдательское мѣсто, присутствующіе члены собора помѣстились около него въ порядкѣ ихъ степеней, и нотаріи — каждый на своемъ посту. Посреди церкви на высокомъ столѣ положили св. евангеліе въ показаніе присутствующимъ что самъ Іисусъ Христосъ соприсутствуетъ имъ при изслѣдованіяхъ о чествованіи святой Его матери. ¹⁾).

Въ тотъ самый моментъ, когда, по обычаю, протонотарій хотѣлъ доложить присутствующимъ о предметѣ собранія, въ церковь вошелъ комитъ Кандидіанъ съ отрядомъ солдатъ; за нимъ слѣдовала депутація отъ шестидесяти восьми епископовъ подписавшихъ протестъ, которая явилась сюда для того, чтобы возобновить свой протестъ передъ лицомъ собранія, и съ нею нѣсколько епископовъ завѣдомо извѣстныхъ за приверженцевъ Несторія. Приблизившись къ собранію Кандидіанъ громкимъ голосомъ сказалъ: „Повелѣнія благочестивѣйшаго нашего императора воспрещаютъ частныя собранія, этотъ источникъ несогласій и расколовъ, и требуютъ для составленія собора присутствія возможно большаго числа епископовъ. Но вы сами видите, что многихъ изъ нихъ еще недостаетъ, и прибытіе ихъ ожидается съ часу на часъ; итакъ вы не составляете собора, вы только частное собраніе, и я приглашаю васъ немедленно разойтись“.

— Прочитайте намъ священную грамоту,—такъ на официальномъ языкѣ назывались грамоты императора,—вскричало за разъ нѣсколько голосовъ; священную грамоту!

— Я прочту ее, прервалъ ихъ комитъ Кандидіанъ только передъ законно составленнымъ соборомъ ²⁾). Вы узнаете ее

1) Cum igitur sequenti constituta die in sancta et magna ecclesia, quae appellatur Maria, convenimus, sanctumque Evangelium, quod ipsum Christum praesentem nobis monstrabat in throno, qui medium locum obtinebat, propositum erat. Concil., III. p. 297.

2) Optabam coram constituta totaque synodo in unum simul coacta, do-



только тогда, когда досточтимый архіепископъ антiохійскій-кій будетъ здѣсь вмѣстѣ съ своими. Онъ находится уже не далѣе, какъ въ трехъ дняхъ пути; я получилъ объ этомъ достовѣрное извѣстіе отъ моихъ чиновниковъ, посланныхъ къ нему на встрѣчу; я вамъ настоятельно повторяю: разо-идитесь!»

Ужасный шумъ послѣдовалъ за этими его словами. Всѣ говорили заразъ. „Какъ же вы хотите, говорили Кандидіану, чтобы мы повиновались императорской волѣ, когда мы не знаемъ того, что онъ повелѣваетъ?“ И снова крики, чтобы онъ прочелъ императорскую грамоту. Кандидіанъ постоялъ съ минутою въ нерѣшительности, какъ бы размышляя самъ съ собою, потомъ развернулъ свѣтокъ бумаги, который держалъ въ рукѣ, и громкимъ голосомъ прочиталъ то, что въ немъ содержалось ¹⁾. Это были данныя ему инструкціи, которыми опредѣлялись его права и обязанности, какъ главнаго комиссара на будущемъ соборѣ. Они заключали въ себѣ нѣсколько общихъ распоряженій: во первыхъ относительно состава собора, чтобы онъ состоялъ изъ возможно большаго числа епископовъ, „для того, чтобы его рѣшенія вытекали изъ одного общаго духа, изъ одного сердца“; затѣмъ, относительно порядка изслѣдованій, чтобы первыми предметами, подлежащими разсмотрѣнію, были предметы вѣры, а личные или частные вопросы отложены были къ концу всѣхъ преній; и наконецъ, относительно круга обязанностей и правъ императорскаго комиссара, чтобы „свѣтлѣйшій“ комитъ Кандидіанъ наблюдалъ за сохраненіемъ высшаго порядка и дисциплины на соборѣ, и отнюдь не присутствовалъ на немъ при догматическихъ преніяхъ ²⁾,

minorum nestorum ac piissimorum Imperatorum litteras exhibere. Con., III. p. 310.

¹⁾ Concil. III. p. 310.

²⁾ Igitur Candidianum praeclarissimum sacrorum domesticorum comitem ad sacram vestram synodum abire jussimus; sed ea lege et conditione,

такъ какъ право судить объ этихъ вопросахъ принадлежало однимъ только епископамъ. Чтеніе этой грамоты выслушано было въ глубокомъ молчаніи, послѣ чего послѣдовали обычныя пожеланія долголѣтія государю, — что заставило комиссара подумать, что собраніе расположено покориться его требованію. Вслѣдствіе этого онъ возобновилъ приглашеніе разойтись.

Но тогда во всемъ собраніи разразился еще большій шумъ, чѣмъ прежде. Все, чего желали вожаки его, это — добиться отъ императорскаго делегата прочтенія императорской грамоты и инструкцій, которое должно было предшествовать открытію собора, и чрезъ это помѣшать ему воспользоваться этимъ пропускомъ для признанія недействительности ихъ дѣйствій. Формальность эта была исполнена теперь, и комитъ Кандидіанъ попался въ просакъ. „Теперь, когда мы знаемъ священную грамоту, сказалъ ему одинъ епископъ, пользуясь минутой молчанія, мы намѣрены въ точности сообразоваться съ желаніемъ нашего всемилостиваго и благочестивѣйшаго Императора, и первымъ предметомъ нашихъ разсужденій поставляемъ вопросы о вѣрѣ; вслѣдствіе этого мы приглашаемъ свѣтлѣйшаго комитета благоволить оставить собраніе“.

Кандидіанъ, увидя свою ошибку, старался какъ могъ поправить ее, но его уже вовсе не слушали: пиканье и крики заглушали его голосъ, такъ что онъ вынужденъ былъ удалиться. „Они изгналимъ изъ своего собранія, говорить онъ въ своемъ донесеніи, съ безчестіемъ“ ¹⁾. Тогда очередь пришла и епископамъ, его сопровождавшимъ. На принадлежащихъ къ партіи Несторія со всѣхъ сторонъ посыпались такіа оскорбленія и угрозы, что имъ не оставалось ничего

ut cum quaestionibus et controversiis, quae circa fidei dogmata incidunt, nihil quid quam commune habeat. Concil. III. p. 229.

¹⁾ Me quoque, cum precibus iterum abnoxius instarem, veluti qui non deberem eorum esse particeps quae illis gerebantur, e suo consessu expulerunt. Cou., III. p. 311.

другого, какъ бѣжать ¹⁾. И съ депутаціею отъ шестидесяти осьми поступлено было не много лучше: ее выпроводили изъ церкви, не дозволивъ прочитатъ принесеннаго ею протеста ²⁾. Такъ началась сессія ефесскаго собора, которую неспособный императорскій чиновникъ открылъ, самъ не зная и не думая о томъ!

По удаленіи изъ церкви всѣхъ протестующихъ, засѣданіе возобновилось, и первенствующій нотарій, александрійскій пресвитеръ Петръ, кратко изложилъ присутствующимъ подлежащее разсмотрѣнію дѣло достопочтеннаго архіепископа константинопольскаго Несторія, обвиняемаго въ ереси. Такъ такъ обвиняемаго не было на лицо въ собраніи, то потребовали пригласить его лично явиться на соборъ для отвѣта, чтобы по выслушаніи объясненій съ той и другой стороны имѣть возможность постановить рѣшеніе „о спорномъ предметѣ вѣры по общему сужденію и соглашенію.“

Четыре епископа посланы были соборомъ отнести ему письменное приглашеніе, составленное по всей формѣ. Но, оказалось, домъ его былъ окруженъ присланными Кандидіаномъ солдатами, вооруженными палицами, ³⁾ и посланные отъ собора епископы не были приняты; только одинъ чиновникъ (трибунъ Флорентій) сказалъ имъ отъ имени архіепископа, что „какъ только соберутся всѣ епископы, то и онъ явится.“

Тогда послано было новое, повторительное приглашеніе, но на этотъ разъ посланные соборомъ другіе четыре епи-

¹⁾ Sed et religiosissimos episcopos, quos sanctissimus Nestorius miserat ceterosque qui comites ipsis adjuncti fuerant, non absque ignominia exegerunt. Concil., III. p. 311.

²⁾ Sed neque admonitorium, quod religiosissimi episcopi ad illos destinaverant, legi permiserunt. Concil., III, p. 311.

³⁾ A sancta et magna hoc synodo ad religiosissimi Nestorii domum venimus, et identes multitudinem militum cum fustibus, nostrum adventum ei indicari rogavimus. Con. III. p. 237.

скопа не могли даже войти и въ переднюю комнату его дома, занятую множествомъ солдатъ съ палицами, и, простоявъ не малое время подлѣ дома, не смотря на всѣ просьбы не получили уже никакого отвѣта ¹⁾). Вмѣстѣ съ приглашеніемъ сдѣланнымъ 20-го іюня, это было третье, и послѣднее, приглашеніе, требуемое церковнымъ уставомъ, — и собраніе объявило, что оно будетъ судить по документамъ. Сначала прочитанъ былъ никейскій символъ, какъ истинное правило вѣры, и вслѣдъ затѣмъ второе письмо Кирилла къ Несторію. Предсѣдатель просилъ отцовъ высказать свое мнѣніе, согласно ли это письмо его съ символомъ св. собора никейскаго, или нѣтъ: всѣ епископы, одинъ за другимъ, высказали, что они находятъ это письмо совершенно согласнымъ съ никейскимъ изложеніемъ вѣры, и съ своей стороны съ любовью принимаютъ его, признавая ученіе въ немъ изложенное вполнѣ православнымъ. Потомъ прочитано было отвѣтное письмо къ Кириллу Несторія. Предсѣдатель опять спросилъ членовъ собранія: какъ они думаютъ объ этомъ письмѣ? Согласно, или несогласно оно съ вѣрою, утвержденною на св. соборѣ никейскомъ? Отцы собора, одинъ за другимъ по порядку, отвѣчали, что они находятъ письмо Несторія не только несогласнымъ съ благочестивою вѣрою, изложенною св. отцами никейскими, но и совершенно чуждою ей, и съ своей стороны рѣшительно отвергаютъ это письмо, анафематствуютъ изложенное въ немъ нечестивое ученіе и тѣхъ, кто такъ учить и вѣруеть. По мѣрѣ того какъ отцы собора, одинъ за другимъ, высказывали свое порицаніе этому письму, негодованіе, возбужденное этимъ письмомъ, все болѣе и болѣе увеличивалось въ собраніи; наконецъ они всѣ вмѣстѣ, поднявшись съ своихъ мѣстъ, воскликнули: „мы всѣ анафематствуемъ это письмо; мы анафематствуемъ еретика Несторія, и кто не

1) Concil. III, p. 238—9.



анаѳематствуетъ его, пусть будетъ самъ анаѳема ¹⁾! «Когда утихли эти крики, прочитано было письмо папы Целестина къ Несторію, и непосредственно вслѣдъ за нимъ послѣднее соборное посланіе Кирилла къ Несторію, оканчивающееся двѣнадцатыю анаѳематсгвами. Никто не возвысилъ голоса, чтобы выразить свое одобреніе ему, или сдѣлать какое либо замѣчаніе на него; оно было выслушано и безъ одобренія и безъ порицанія; между тѣмъ одинъ тотъ фактъ, что оно было заслушано на соборѣ безъ возраженія и внесено въ акты собора безъ замѣчаній, влекъ за собою безмолвное одобреніе его. Послѣ чтенія нѣкоторыхъ другихъ документовъ меньшей важности перешли къ словеснымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, и тогда представилась умилительная сцена, придающая интересъ этому процессу.

Тогда, по вызову одного епископа (Фирма іопнійскаго), энергически поддержанному предсѣдателемъ, поднялся съ своего мѣста почтенный мужъ, который со слезами на глазахъ и прерывающимся отъ рыдавій голосомъ сдѣлалъ такое показаніе,—это былъ Акакій мелитивскій, —: „Я хорошо знаю, что когда дѣло идетъ о вѣрѣ и богопочтеніи, должна умолкнуть всякая личная привязанность. Поэтому, хотя я болѣе чѣмъ кто либо любилъ господина Несторія и всячески старался спасти его ²⁾, но теперь, по любви къ истинѣ, долженъ открыть то, что я слышалъ отъ него, чтобы за сокрытіе истины не подвергнуть душу мою осужденію. Тотчасъ по прибытіи моемъ въ Ефесъ, я имѣлъ бесѣду съ Несторіемъ и, увидя, что онъ неправо мыслить, старался вразумить его и отвлечь отъ ложныхъ мыслей. Онъ своими словами заставилъ меня вѣрить, что я достигъ

¹⁾ Omnes Nestorii epistolam et dogmata anathematizamus. Omnes haereticum Nestorium anathematizamus. Quicumque hunc non anathematizat, anathema sit. Concil., III, p. 263.

²⁾ Quamobrem licet dominum Nestorium prae ceteris ardenti quodam amore prosecutus sim, eumque omnino servare studuerim. Concil., III, p. 265.

своей цѣли, и я былъ счастливъ. Но спустя десять или двѣнадцать дней, когда я опять зашелъ къ нему, чтобы продолжать нашъ разговоръ, и по обычаю сталъ защищать истину, то нашелъ его совершенно измѣнившимся. Коварными и нелѣпыми вопросами онъ старался принудить меня или совершенно отвергнуть воплощеніе Бога Слова во Іисусѣ, или допустить,—ни съ чѣмъ несообразную мысль,—что вмѣстѣ съ Богомъ Словомъ воплотилось и божество Отца и св. Духа. Я съ негодованіемъ отвергъ эти нечестивыя мысли, свойственныя только въ высшей степени злокозненному уму, готовому совершенно ниспровергнуть благочестивую вѣру, когда одинъ изъ бывшихъ съ нимъ епископовъ, вмѣшавшись въ разговоръ нашъ, сталъ утверждать, что Сына Божія, претерпѣвшаго крестную смерть нужно различать отъ Сына Божія, второй ипостаси св. Троицы. Я не могъ болѣе выносить такого богохульства, простился со всѣми и ушелъ¹⁾.

Когда кончилъ показаніе свое епископъ мелитинскій, подвнялся въ свою очередь Θεодотъ анкирскій, не менѣе огорченный и носящій во всей своей фигурѣ признаки глубокаго волненія. „Съ глубокою скорбію въ сердцѣ, сказалъ онъ, приступаю я къ показанію противъ друга; но такъ какъ этого требуетъ служеніе Богу, то я пересилю мою скорбь и выскажу всю правду по предмету, о которомъ меня спрашиваютъ²⁾, хотя, по моему мнѣнію, въ свидѣтельствѣ моемъ и нѣтъ нужды, такъ какъ образъ мыслей Несторія ясно открывается изъ прочитаннаго письма къ его преосвященству Кириллу. Какъ въ этомъ посланіи онъ утверждалъ, что о Богѣ нельзя говорить, что онъ родился отъ Дѣвы, питался

¹⁾ Quam blasphemiam amplius ferre non valens, omnibus consalutatis abivi. Concib. III, p. 265.

²⁾ Equidem amici causa graviter affligor; nihilominus omni amicitiae praepono pietatem. Adigor proinde, idque non magna absque animi mei tristitia, ut eorum, de quibus interrogor, veritatem exponam. Concil., III. p. 265



молокомъ ея: такъ и въ разговорѣ со мною неоднократно повторялъ, что о Богѣ нельзя сказать, что Онъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ. „И не я одинъ слышалъ отъ него такіа богохульные рѣчи: вмѣстѣ со мною о нихъ могутъ свидѣтельствовать и многіе другіе епископы“, ¹⁾ прибавилъ онъ въ концѣ своей рѣчи,—и тяжело опустился на свое мѣсто, видимо удрученный скорбію.

Въ сравненіи съ этими показаніями, гдѣ честность и истина поражали въ каждомъ словѣ, послѣдовавшія затѣмъ извлеченія изъ рѣчей и писемъ Несторія были очень блѣдными свидѣтельствами; многіе епископы потребовали прекратить ихъ чтеніе, чтобы долѣе не оскорблять своего слуха этимъ собраніемъ всякаго рода нечестія.

Тогда Кириллъ велѣлъ читать избранныя мѣста изъ св. отцовъ, чтобы доказать, что ученіе, въ защиту котораго онъ ополчился, было столь же научное, сколько и традиціонное. Когда пренія были окончены, приступили къ голосованію объ обсужденіи Несторія: оно произнесено было единодушно всѣмъ собраніемъ, и слѣдующій приговоръ о низложеніи Несторія, составленный по всей формѣ, включенъ былъ въ соборные акты.

„Такъ какъ нечестивый Несторій не захотѣлъ повиноваться нашему приглашенію и не принялъ посланныхъ къ нему отъ насъ епископовъ, то мы наплись вынужденными изслѣдовать нечестивое его ученіе. Открывши же, частію изъ его писемъ, частію изъ другихъ его сочиненій, а частію изъ тѣхъ рѣчей, которыя онъ недавно имѣлъ въ этомъ городѣ и которыя подтверждены свидѣтелями, что онъ думаетъ и проповѣдуетъ нечестиво, мы наплись вынужденными на основаніи каноновъ и посланія святѣйшаго отца нашего и сослужителя Целестина, епископа римскаго,

¹⁾ Atque non solum nos ex eo intelleximus, sed alii praeterea non pauci. Concil., III. p. 265.

произнести противъ него, хотя и не безъ горькихъ слезъ, слѣдующее горестное опредѣленіе: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ, на котораго онъ изрыгалъ хулы, устами сего святаго собора, опредѣляетъ лишить его епископскаго сана и отлучить отъ церковнаго общенія ¹⁾“. Затѣмъ слѣдовали подписи въ числѣ ста девяносто осьми; позднѣе къ нимъ присоединилось еще нѣсколько подписей ²⁾, такъ что число ихъ достигло болѣе двухъ сотъ.

Такъ окончилось засѣданіе собора, открытое и закрытое въ одинъ день. Когда собраніе стало расходиться, была уже темная ночь. Огромная толпа народа запружала окрестности церкви Маріи и сосѣднія съ нею улицы; она стояла здѣсь съ самаго утра въ сильномъ волненіи, въ тоскливомъ ожиданіи, но безъ шума. Всѣ спрашивали одинъ у другаго съ безпокойствомъ о результатѣ окончившихся преній. Когда же узнали, что Несторій низложенъ и святая Дѣва, покровительница города, признана Матерью Божіею, раздались еди-³⁾душные крики радости. По мѣрѣ того какъ епископы выходили изъ церкви, ихъ восторженно привѣтствовали и обнимали. Народъ провожалъ ихъ съ факелами до самыхъ домовъ; женщины съ благовонными курильницами въ рукахъ шли впереди ихъ ³⁾; это было великое и общее торжество въ Ефесѣ, который былъ иллюминированъ въ продолженіи всей ночи.

На другой день, 23 числа, приговоръ собора былъ объявленъ Несторію въ слѣдующихъ оскорбительныхъ вы-

1) Igitur Dominus noster Iesus-Christus, quem suis ille blasphemis vocibus impetivit, per sanctissimam hanc synodum eundem Nestorium episcopali dignitate privatum, et ab universo sacerdotum consortio et coeetu alienum esse definit. Concil., III, p. 282.

2) Какъ видно изъ актовъ собора, на сторону православныхъ перешли 7-мъ епископовъ изъ числа благопріятствовавшихъ Несторію. Concil., III, p. 306. *Примѣч. переводчика.*

3) Erat enim vespera: multaque passim laetitia, multa etiam luminaria accent. Concil., III, p. 301.



раженіяхъ: „Св. соборъ, собранный благодатію Божіею, по повелѣнію благочестивѣйшихъ нашихъ императоровъ въ городъ Ефесъ, Несторію, *новому Іудѣ* ¹⁾)...“ Этотъ приговоръ былъ вывѣшенъ на всѣхъ площадяхъ; объ немъ объявлялось жителямъ города и особенными глашатаями, съ трубными звуками ²⁾. Въ этотъ же день послано было отъ собора письменное оповѣщеніе о низложеніи Несторія и клиру константинопольской церкви, чтобы онъ принялъ мѣры къ сохраненію всего принадлежащаго патріаршей церкви въ цѣлости ³⁾. Двадцать третье и двадцать четвертое числа посвящены были епископами на пламенные проповѣди, въ которыхъ они наперерывъ терзали Несторія, а 25 го, Іоаннъ антiохійскій былъ у воротъ Ефеса.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Η ἁγία σύνοδος Νεστορίῳ, νέῳ Ἰούδα. Concil., III, p. 291.

²⁾ Concil III, p. 312.

³⁾ Concil. III, p. 392.